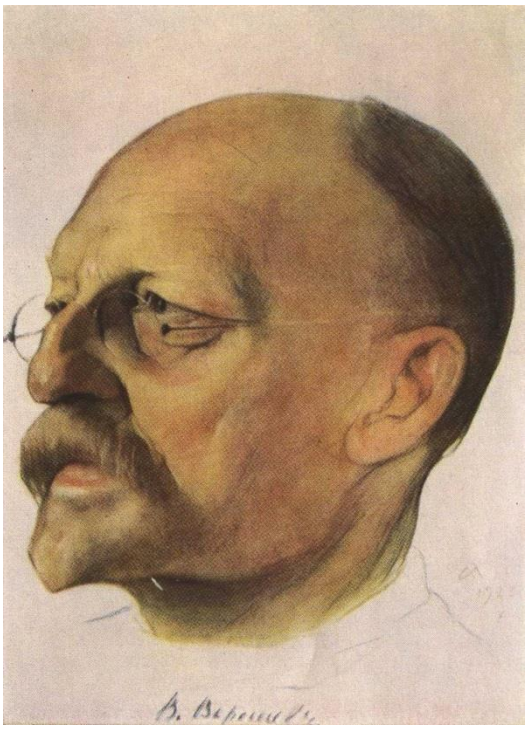
**Муниципальное казенное учреждение культуры
"Централизованная библиотечная
система муниципального образования городской округ
Феодосия Республики Крым"**

Центральная городская библиотека им. А. Грина



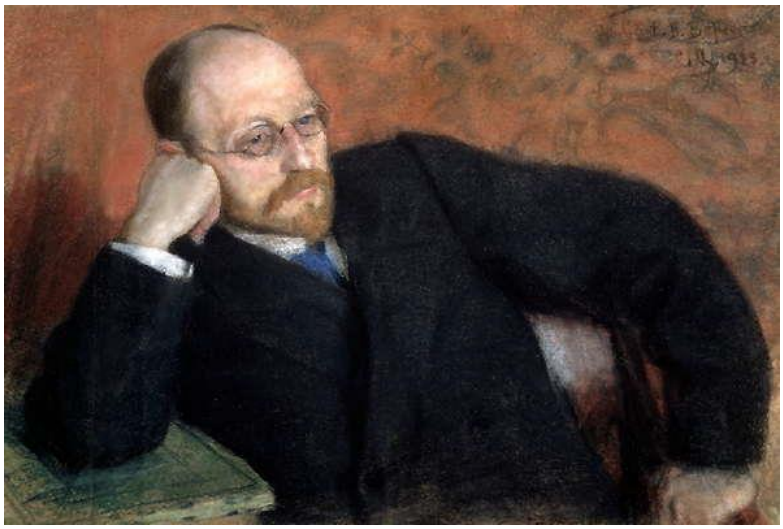
Биобиблиографический краеведческий дайджест «Искатель правды. В. Вересаев и Феодосия. 1918-1929»

**г. Феодосия
2017**

В Феодосии Вересаев оказался в переломную эпоху начала XX века и сыграл яркую роль в ее истории.

Вересаев был членом коллегии феодосийского отдела Народного образования, заведовал отделом литературы и искусства.

Здесь им написана пьеса «В священном лесу», рассказ «Состязание», начат роман «В тупике».



В.В. Вересаев. Портрет работы С.А. Малютина

"...Моею мечтою было стать писателем; а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека, его физиологии и патологии; кроме того, специальность врача давала возможность близко сходиться с людьми самых разнообразных слоев и укладов".

В. Вересаев. Автобиографическая справка

Коктебель 1918-1921

В апреле 1904 года Леонид Андреев пишет Вересаеву:
"Эх, Викентий Викентьевич! На свете существует Крым, а Вы сидите в Туле...".

Вересаев В. Литературные воспоминания. Леонид Андреев

В. Вересаев и Л. Андреев

В 1915 г. писатель В. В. Вересаев приобрел в Коктебеле дачу, но только в сентябре 1918 г. он смог приехать на отдых в Крым: ***"С осени 1918 года до осени 1921 года мне пришлось прожить в Крыму, в дачном поселке Коктебель, где года два перед тем я купил себе дачу"***, - пишет в своих воспоминаниях о Коктебеле В.Вересаев.

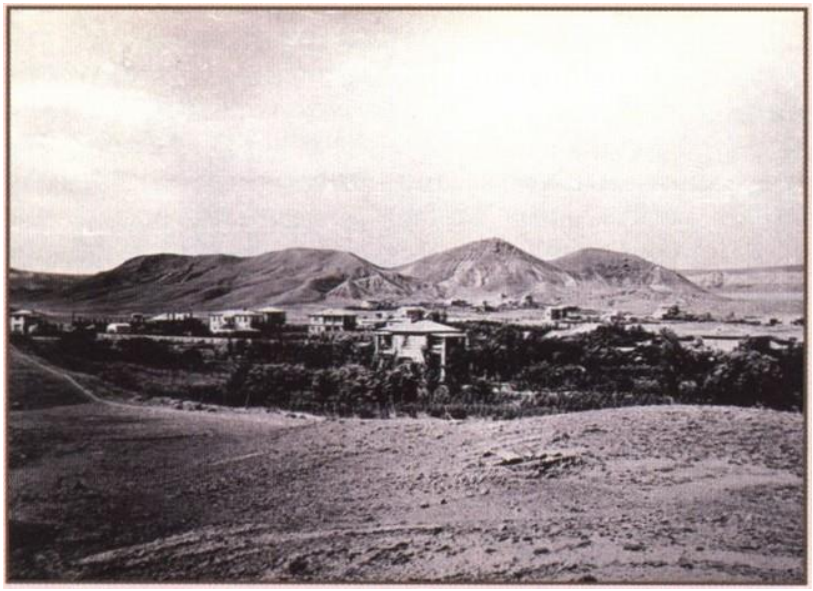
Вересаев В. Коктебель //Вересаев В. Собр. соч. в пяти т. – Т. 5. М. : Правда, 1961. – С. 462-470.

"Коктебель — деревушка под Феодосией. Болгары называли ее Кохтебели. Кажется, в переводе это означает "страна синих гор". Деревушка протянулась, далеко отступая от берега, а несколько дач — Юнге, Дейши-Сионицкой (известной когда-то певицы), Максимилиана Волошина — у самого моря... Викентий Викентьевич Вересаев жил на своей даче у шоссе на отлете. Поэтому дачу его грабили чаще всех прочих дач".

Эм. Миндлин. Необыкновенные собеседники

«На участках девятого квартала за шоссе располагались дач Шика и Вересаева».

Из книги Т. Фадеевой, А. Шапошникова, А. Дидуленко "Старый добрый Коктебель"



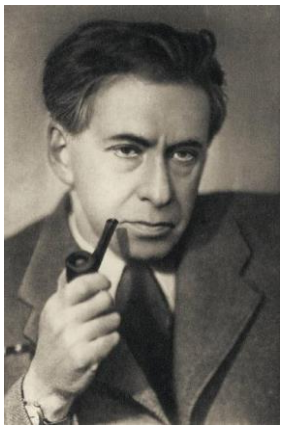
Коктебель. Дачи, начало XX века

В Коктебеле не было врача, и молва о великолепном докторе разошлась по всей округе. Нуждающиеся в лечении коктебельцы и дачники потянулись к известной вересаевской даче, хотя Вересаев и брал с каждого лечащегося слово: никому не говорить что он врач.

"На три месяца поехал в Крым и прожил там три года, - пишет Вересаев в письме к С.Елпатьевскому в Ялту, - Я тут живу и блаженствую, написал драму в первый раз в жизни), неожиданно я оказался здесь завален практикой".

В. Вересаев. Воспоминания

О жизни В. Вересаева в Крыму так вспоминал И. Эренбург:
"...Викентию Викентьевичу было трудно; несколько поддерживала его врачебная практика... В окрестных деревнях свирепствовал сыпняк... Платили ему яйцами или салом. Был у него велосипед, а вот одежда сносилась. У меня оказался странный предмет – ночная рубашка доктора Козинцева, подаренная мне еще в Киеве. Мы ее поднесли Викентию Викентьевичу, в ней на велосипеде он объезжал больных...».



Вересаев отличался скромностью в быту. Однажды к нему на дачу пришла наниматься в домработницы крестьянка из соседней деревни, но, войдя в дом и придирчиво осмотрев его, она тут же отказалась от места, презрительно махнув рукой и сказав: «Беднота!».

В июле 1912 года Максимилиан Волошин с графом Алексеем Толстым, а также художниками Вениамином Белкиным и Аристархом Лентуловым, отдыхавшими в то время в Коктебеле, получили предложение обустроить небольшой сарай под кофейню для дачников, их гостей и просто туристов… По предложению авторов лавочка была названа «Бубнами» (от выражения «Славны бубны за горами»)… «Путеводителе Боссалини для Феодосии и окрестностей» кафе и вовсе названо «осколком „Бубнового волета”».

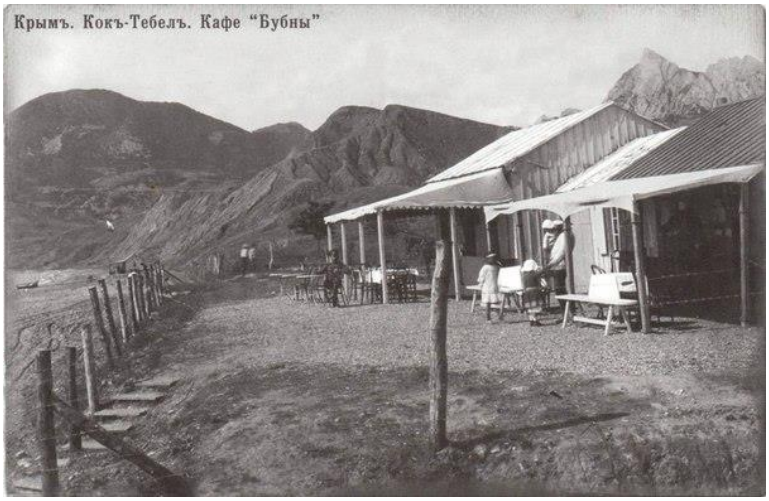
Т.Фадеевой, А.Шапошникова, А. Дидуленко "Старый добрый Коктебель"

В августе 1912 года "Феодосийская газета" сообщала: "У самого берега моря стоит деревянная постройка, привлекающая внимание туристов. Постройка сама по себе ничего интересного не представляет: обыкновенный ярмарочный балаган; приспособлена она под лавку, а Александр Григорьевич Синопли: конечно, грек, конечно, душа человек, и, конечно, самый лучший курортный собеседник за чашкой чёрного турецкого кофе.

Судьба кафе "Бубны" сложилась несчастливо: оно было разрушено в 1919 году в результате прямого попадания снаряда.

«Из приезжих в обормотской компании деятельное участие принимали писатель А. Толстой, художник Митулов и др. Они были постоянными посетителями кабачка “Бубны”, расписанного их художниками, содержавшегося греком Синапла» .

В. Вересаев. Коктебель



Вересаев и Волошин

В.В. Вересаев был вхож в Дом Поэта.

Вспоминает Анастасия Ивановна Цветаева, прозаик, сестра Марины Цветаевой:

"Впервые я увидела Вересаева - у Макса. Высокий плотный человек в потертом синем костюме. Ему понадобилась какая-то книга. Дружески поздоровались. Сквозь пенсне благожелательно, с сердечным вниманием смотрели его глаза на говорящего с ним. Мне показалось, что он похож на Чехова. Нет, сходства в чертах не было. Разве что в небольшой бородке. Позднее я поняла, в чем было дело: и тот и другой были и писатель, и врач, вот эта двойная внимательность к собеседнику - и врачебная, и писательская - роднила Вересаева с Чеховым. Гражданская война застала его вместе с женой, верным его другом, в Коктебеле...".

Цветаева, А. И. Воспоминания : мемуары / А. И. Цветаева. - 2-е изд., доп. - Москва : Советский писатель, 1974.

Именно после этого периода между писателями устанавливается постоянная переписка, продолжавшаяся до 1931 года. При всей несхожести их творческих позиций Вересаев высоко ценил в Волошине оригинального поэта, художника, искусствоведа и принимал живейшее участие в его судьбе. По просьбе Волошина, продолжавшего постоянно жить в Крыму, Вересаев стал его литературным представителем в Москве, многие произведения Волошина появились в печати лишь благодаря стараниям Вересаева» -

пишет в своих комментариях Ю.У. Фохт-Бабушкин к очерку Вересаева «Коктебель», вошедшему в «Литературные воспоминания".

«Мой Плетнев» назвал Вересаева Максимилиан Александрович Волошин (П.А. Плетнев, критик пушкинской поры, бескорыстный помощник Гоголя – М.С.). «Лучшим из живущих ныне поэтов» называет Вересаев Волошина в поздравительном письме, в связи с 30-летием поэтической деятельности.

В это время Вересаев близко познакомился с Еленой Оттобальтовной Волошиной (матерью Максимилиана Волошина), братьями Юнге, писательницами Н. Манасеиной и П. Соловьевой, генералом, историком, археологом Никандром Марксом, собирателем и издателем Крымских легенд.

Генерал Никандр Александрович Маркс с дочерью

Феодосия

«Здесь Вересаевым написана пьеса «В священном лесу», рассказ «Состязание», начат роман «В тупике». Активно помогал установлению в Крыму советской власти. В апреле – июне 1919 года, когда Восточный Крым был в руках большевиков, Вересаев работал членом коллегии Феодосийского наробраза, заведовал отделом литературы и искусства. Позже, при белых, 5 мая 1920 года, на его даче проходила подпольная областная партийная конференция большевиков».

Ю. У. Фохт-Бабушкин В.В.Вересаев - легенды и реальность

Итальянская улица, 1919 год

«В сентябре 1918 г. на три месяца поехал в Крым и прожил там три года, - под Феодосией, в поселке Коктебель, где у меня была небольшая дачка. За это время Крым несколько раз переходил из рук в руки, пришлось пережить много тяжелого, шесть раз был ограблен; больной испанкою, с температурою в 40 градусов, полчаса лежал под револьвером пьяного красноармейца, через два дня расстрелянного; арестовывался белыми; болел цингою».

В. Вересаев. Воспоминания

В начале мая 1920 года в Коктебеле состоялась подпольная конференция Крымской коммунистической партийной организации. Собираться в Симферополе было опасно, так как там активно действовала врангелевская контрразведка. На конференцию собралось всего 15 человек. По некоторым сведениям, заседания этой конференции происходили на даче Вересаева; так или иначе - писатель оказался в гуще событий.

Феодосия при большевиках не напоминала ни один другой русский город.
Она была единственным беззащитным и открытым портом на Черном море. Туда спасались со всех его побережий. Каждый день в ее порт врывались транспорты: заржавленные, помятые, заплатанные. По два, по три, по четыре в день. Однажды их пришло 34. Это было в день взятия Одессы.

Каждый из них требовал места, грозил расстрелять остальных, расталкивал их, швартовался у мола, спускал сходни, и по сходням, со знаменами, с пулеметами, с плакатами, на которых было написано, кто они, спускалось его народонаселение и шло к совету «захватывать власть».

Тут были трапезундские солдаты, армянские ударники, румынские большевики, сербский легион, турецкие пленные, просто беженцы и анархисты всех оттенков: анархисты-коммунисты, анархисты-террористы, анархисты-индивидуалисты, анархисты-практики...

В течение месяца большевики были крайне правой партией порядка. Местные «буржуи» молили Бога: «Дай, Бог, только, чтобы наши большевики продержались». Благодаря борьбе с более левыми партиями большевикам некогда было заняться собственными делами — т.е. истреблением буржуев.

М. А. Волошин. Молитва о городе*(Феодосия весною 1918 года при большевиках)*

В это время Вересаев активно принимает участие в работе литературно артистического кружка "К искусству" (ФЛАК). Этот кружок активно посещали поэты М. Волошин, И. Эринбург, О. Мандельшатм, М. Цветаева.

В первом номере альманаха (август 1919 года) был опубликован один из лучших рассказов Вересаева "Состязание", написанный им в Коктебеле. Очень добрая и поучительная сказка «Состязание» посвящена вечной теме мирового искусства – красоте. Своему читателю, как совсем юному, так и уже пожившему взрослому человеку, автор дает нравственный урок отношения к красоте, показывает - что есть красота для человека.

№ 2-й

КЪ ИСКУССТВУ!

Издание литературно-артистическаго кружка.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Содержаніе:

Обложка альманаха «К искусству!». Феодосия. 1919 г.

«В августе вышел первый номер альманаха «Флак» — 16 страниц тонкой розовой бумаги! В этом шуршащем розовом альманахе — стихи Волошина, Мандельштама, Цветаевой, рассказ Вересаева и произведения нескольких местных поэтов».

Эм. Миндлин. Необыкновенные собеседники

ФЛАК - Феодосийский литературно-артистический кружок. Существовал в период, когда власть в Крыму находилась в руках белых, оставил крайне мало следов. Возник по инициативе А.Самарина-Волжского - настоящее имя Арнольд Маркович Левинский (1880-1949), московского актера и режиссера, к осени 1919 года растерявшего свою небольшую группу. Кружок работал в арендованном сводчатом подвальчике в доме на углу улиц Земской и Кирова (ул.Новая) (сегодня здесь

гостиницы "Лидия", а в 50 метрах от нее по улице Кирова - ЦГБ им.А.Грина) когда-то располагалось одноэтажное здание, в котором и был расположен легендарный подвальчик.

Завсегдатаями ФЛАКа были феодосийские поэты Федор Гиз, Василий Дембовецкий, Галина Полуэктова, Григорий Томилин. Навещали подвал писатель Андрей Соболь, поэт (известный литературовед) Дмитирй Благой, публицист Григорий Петров. Даже В. Вересаев, живший в Коктебеле крайне замкнуто, побывал во ФЛАКе, в альманахе которого поместил свой новый рассказ "Состязание".

В 1918 году Постановлением Военно-Революционного комитета Вересаев назначается комиссаром народного просвещения Феодосии.
В Феодосийском Музее древностей есть редкий экспонат "Приказ № 4. По постановлению Военно-Революционного комитета нижепоименованные лица назначаются временными комиссарами". В списке есть и фамилия писателя, назначенного членом Феодосийского ревкома и комиссаром просвещения.

Огромную работу под руководством Вересаева проделала секция театра и искусства. При отделе народного просвещения Викентием Викентьевичем была организована литературная студия для начинающих писателей из народа. Студийцы разбирали произведения мировой литературы, слушали лекции по теории поэзии и прозы, получали практические указания, «как делать» литературные произведения.
В апреле 1919 года, когда в Крыму вернулась советская власть, Вересаев был избран членом коллегии феодосийского отдела народного образования, где заведовал секциями литературной, "Театр и искусство”

"***Когда Советская власть в 1919 году овладела Крымом, я заведовал в феодосийском наробразе отделом литературы и искусства и пригласил в репертуарную комиссию Волошина***", - из воспоминаний В.Вересаева "Коктебель".

Феодосийский Народный университет ***«открыли почти тотчас после освобождения Крыма. Ректором его был Викентий Викентьевич Вересаев, проректором Д. Д. Благой. Максимилиан Волошин с первого дня жизни университета начал читать в нем курс лекций по истории искусства Италии и Голландии. Даже открылся этот университет лекцией Максимилиана Волошина.***

Разместился Народный университет во втором этаже старинного дома по Итальянской улице, вход был открыт для всех, и длинный зал салатного цвета с потемневшим лепным потолком был переполнен слушателями в шинелях и гимнастерках с красноармейскими шлемами на коленях

Эм. Миндлин. Необыкновенные собеседники. – М. :Советский писатель, 1968

В октябре 1921 года, постановлением Крымского ревкома был организован комитет помощи голодающим. В его совет вошел В.В.Вересаев и сразу же окунулся в активную работу. Несмотря на занятость в работе в комитета, голод и цингу, писатель находит время и силы для литературного творчества. Он работает над книгой, состоящей из трех циклов: "Невыдуманные рассказы о прошлом", "Литературные воспоминания", "Записка для себя".

Роман «В тупике»

Участников и свидетелей гражданской войны больше нет. Нам, наследникам этой великой ломки, остается лишь полагаться на документы. Их не так уж много. И повесть Вересаева стоит рассматривать в этом ряду — не как художественное произведение со своей эстетической системой, а именно как письменный источник. Это свидетельство человека, не только не злобствовавшего, а, напротив, все свои ранние годы примыкавшего к революционным кругам. Один из Смидовичей даже был членом ЦК РСДРП. Да и сам Вересаев по своим взглядам — последовательный демократ.

На последней странице романа "В тупике" значится дата написания: "1920 - 1923". Вересаев начал работать над книгой буквально по горячим следам событий, сразу же после окончательного изгнания белогвардейцев из Крыма. Роману "В тупике" была суждена трудная судьба.

Заканчивал роман В. Вересаев уже по возвращении в Москву. Его очень тревожила возможность прохождения "В тупике" через цензуру. Времена еще стояли, как выразилась Анна Андреевна Ахматова, «вегетарианские», и повесть напечатали быстро. И, как было тогда принято, приняли к обсуждению на странноватом для нас сборище: на встрече руководителей государства с деятелями искусства.

Неоконченный ещё роман В.Вересаев читал перед Сталиным, Дзержинским, Каменевым и другими членами Совнаркома. И эта вещь, в которой красные гораздо более кровавы и бессмысленны, чем белые, была допущена в печать.

О событиях, которые способствовали публикации романа, он рассказал в сохранившейся мемуарной зарисовке, написанной в 1938 г. и опубликованной в журнале "Огонек" (1988, Лъ 30):

"Я кончал свой роман "В тупике". Он должен был печататься в альманахе "Недра". Возможность прохождения романа сквозь цензуру вызывала большие опасения. Редактор издательства "Недра" Н.С.Ангарский имел какие-то служебные отношения к тогдашнему заместителю председателя Совнаркома Л.Б.Каменеву. В декабре месяце 1922 года Ангарский обратился к Каменеву с просьбой, нельзя ли было устроить у него чтение моего романа.

– А, вот и прекрасно! – сказал Каменев. – Первое января – день у всех свободный. Пригласим кое-кого и послушаем!

Первого января я с женой приехал в Кремль к Каменеву. Понемножку собирался народ, мне в большинстве совершенно незнакомый. Роман написан в виде отдельных сцен, можно сказать – в стиле blanc et noir [белое и черное (франц.).]: как мне говорил один партиец, за одни сцены меня следовало посадить в подвал, а за другие предложить в партию.

Начал я читать. Стратегический мой план был такой: сначала подберу сцены наиболее острые в цензурном отношении, а потом в компенсацию им прочту ряд сцен противоположного характера. Читал около часа. Обращаюсь к Каменеву:

– Может быть, можно сделать перерыв?

Каменев смущенно спросил:

– А вы долго собираетесь еще читать?

– Около часа.

– Нет, это совершенно невозможно. Тут еще товарищи Шор, Эрлих и Крейн что-нибудь сыграют нам, а потом сядем ужинать. Почитайте нам еще минут десять, а за ужином поговорим о прочитанном.

Нечего делать. Постарался подобрать для окончания несколько наиболее ярких в положительном смысле сцен, но все-таки в общем получилось такое преобладание темных сцен над светлыми, что дело мне представилось совершенно погибшим. Кончил. Жена сидела как приговоренная к смерти. Подошел смущенный Ангарский.

– Викентий Викентьевич, что же это такое?

Я стал расспрашивать Ангарского, кто здесь присутствует.

– Вот этот – Дзержинский, вот – Сталин, вот – Куйбышев, Сокольников, Курский.

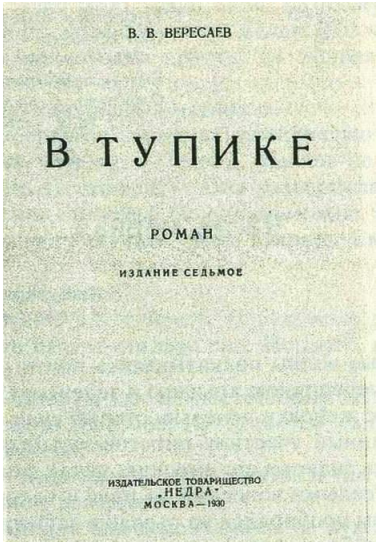
Одним словом, почти весь тогдашний Совнарком, без Ленина, Троцкого, Луначарского. Были еще Воронский, Д. Бедный, П. С. Коган, окулист профессор Авербах и другие.

Поиграли Шор, Эрлих и Крейн. Сели ужинать. Началось обсуждение прочитанного. На меня яро напали. Говорили, что я совершенно не понимаю смысла революции, рисую ее с обывательской точки зрения. Нагромождаю непропорционально отрицательные явления и т.п.

Каменев говорил:

– Удивительное дело, как современные беллетристы любят изображать действия ЧК. Почему они не изображают подвигов на фронте гражданской войны, строительства, а предпочитают лживые измышления о якобы зверствах ЧК.

Раскатывали жестоко...»



Книга была высоко оценена тогдашним высшим партийным начальством, и прежде всего, бывшим председателем ВЧК Феликсом Дзержинским. Благодаря чему публикация романа стала возможной.

Роман сразу же привлек внимание цензуры. В ``Секретном бюллетене`` Главлита за 1923 г., разосланном членам Политбюро, отмечалось, что в 1-й части романа ``...революционная власть, большевики, выступают отрывочно, в чертах непривлекательных и грубых. Во 2-й части романа эта тема значительно сгущена. Черты произвола, самоуправства представителей новой власти позволяют расшифровать заглавие романа и в приложении к революции, вызвавшей темные силы (по мнению автора). Роман Вересаева требовал бы, по мнению Главлита, существенных поправок``. Крайне негативной была также реакция официозной

критики, обвинявшей Вересаева в ``клевете`` на чекистов и, конечно, в ``буржуазном гуманизме`` и прочих грехах.

В 20-е гг. роман был переведен и на английский язык. Произведение, можно сказать, улучшило «рейтинг» Советского Союза на Западе. Позже В. Вересаев с гордостью вспоминал: «***По поводу английского перевода романа «Типез» писала: «... говорили, что в СССР нет свободы печати; мы же из предисловия романа с удивлением узнали, что автор романа - не эмигрант, не сидит в советской тюрьме, а благополучно живет и здравствует в Москве».***

Не остался равнодушен к произведению и М. Горький. В письме В. Вересаеву из Сорренто он писал: «*Читал «В тупике». Здесь эту книгу хвалят за ее контрреволюционность, мне же она дорога ее внутренней правдой, большим вопросом, который Вы поставили перед людьми так задушевно и мужественно»*.

Произведение пользовалось огромной популярностью среди читателей. После первой публикации в сборниках "Недра" роман издавался еще восемь раз.

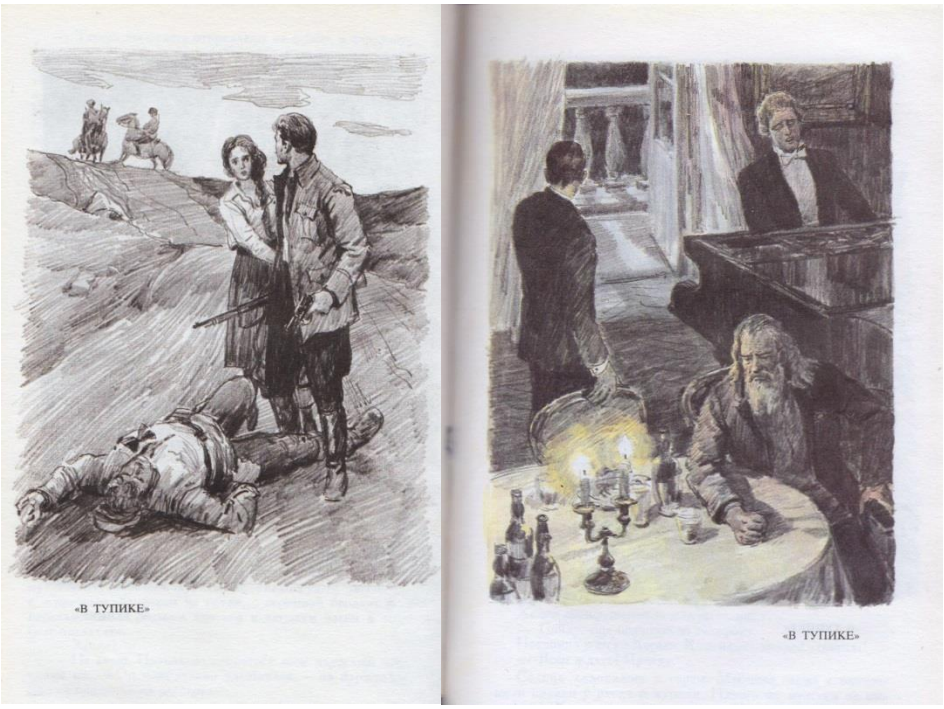
Однако каждое новое издание произведения в очередной раз задерживалось, и для его публикации опять требовалось разрешение свыше. Последнее прижизненное издание романа "В тупике" 1931 года было сильно "пощипано цензурой" (из «Воспоминаний В. Вересаева). В советском литературоведении установилось мнение, что в романе «В тупике» В.В. Вересаев не смог дать адекватное изображение революции. Среди распространенных мифов - литературная молва о контрреволюционном пафосе романа. В начале 1930-х гг. романы "В тупике" (1923) и "Сестры" (1933) были изъяты с полок библиотек и книжных магазинов и до 1990 г. не переиздавались.

Теперь положение изменилось. Одно издание следует за другим, критика утверждает, что именно Вересаев был наиболее объективным, и иногда пафос авторов заключается в утверждении ущербности революции. Как же обстоит дело в действительности? Что сказано о революции в романе, главными героями которого являются интеллигенты, не принимающие ее в ее реальности?

Писатель прожил в Крыму, переходившем от красных к белым и обратно, и на себе испытал все ужасы гражданской войны, а уж повидал их более возможного. Вот об этом он и написал, сохраняя свою объективную манеру, не преувеличивая и не сгущая красок. Принципиальность и честность в описании жизни Крыма весной-летом 1919 г. делают произведение Викентия Вересаева исключительно важным событием не только в художественной литературе. Это своего рода «слепок» с реальности. Книге предпослан эпиграф из дантовского «Ада»:

И ангелы в толпе презренной этой
Замешаны. В великой той борьбе,
Какую вел господь со князем скверны,
Они остались – сами по себе.
На бога не восстали, но и верны
Ему не пребывали. Небо их
Отринуло, и ад не принял серный,
Не видя чести для себя в таких.

Данте. "Ад", III. 37 – 42.



Вспоминает И. Эренбург: *"...Я с ним подолгу беседовал. Прежде я знал некоторые его книги и думал, что он человек рассудочный, прямолинейный, а он обожал искусство, переводил древнегреческих поэтов, страдал от грубости и примитивизма. Конечно, в борьбе против белогвардейцев все его симпатии были на стороне Москвы, но многого он не понимал и не принимал. Потом я прочитал его роман "В тупике", где он рассказывал о жизни русской интеллигенции в первые годы революции. Я нашел мысли Викентия Викентьевича, вложенные в уста то ученого-демократа, то его дочки-большевички"*.

И. Г. Эренбург. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 8, М., 1966, стр. 306 – 307.

В результате появились произведения, практически лишённые «революционной романтики», точно передающие атмосферу и дух того жестокого времени. Вересаев удерживает в круге зрения обе стороны: и красных, и белых, и многих других, которые и составляют подавляющее большинство: невоюющие массы.

События происходят на глазах земского врача Ивана Сарганова и его семьи. Здесь, под защитой Добровольческой армии, Сарганов и его близкие, подобно многим другим российским интеллигентам, пытается переждать революционное лихолетье. Однако весной 1919 г. красные прорывают фронт, и на полуострове, за исключением Керчи, которую сохранили за собой белые, вновь устанавливается советская власть. Иван Иванович Сартанов, учёный, демократ, вообще ничего не понимает в развернувшейся исторической драме; дочь его Катя, меньшевичка, не знает, что делать. Оба — по одну сторону баррикады. Другая дочь, Вера, и племянник Леонид — коммунисты, они — по другую сторону. Трагедия, столкновения, споры, беспомощность, тупик.

По свидетельству члена ревкома Б. Горянова, "все события, имевшие место в описываемую Вересаевым эпоху в Феодосии и ее окрестностях, изложены

фотографически точно, только с переменой адресов", и на его взгляд, ряд акций, совершенных белыми, приписаны красным ("Книга и революция", 1929, ЛЬ 1, стр. 30).

Прототипы

По свидетельству самого писателя, в романе нашли отражение события Гражданской войны, которые он наблюдал тогда в Крыму. Арматлук – это Коктебель; изображенный в романе город – Феодосия.
Армутлукская долина – уникальный уголок Юго-Восточного Крыма с довольно необычными пейзажами, расположенный между посёлком Наниково и курортным Коктебелем. До Великой Отечественной войны в районе фермы располагалась греческая деревушка Арматлук. Арматлук, с крымско-татарского "место, где растут груши", в годы Великой Отечественной войны греческая деревня Арматлук была уничтожена

В романе отражены не только исторические реалии тех лет, но и отдельные яркие персоналии.

Прообразом **Дмитревского был Н. А. Маркс** - видный ученый-археолог, составитель первого сборника «Легенды Крыма» (иллюстрации К. Арцеулова), генерал царской армии, перешедший на сторону Советской власти и приговоренный за это белогвардейцами к смертной казни. Н. А. Маркс был арестован 22 июня 1919 года.

В хронологических данных, приложенных к автобиографической справке Вересаева в первом томе его полного собрания сочинений в издательстве "Недра" (М. 1928), указано, что писатель в апреле - мае 1919 года был членом коллегии наробраза в Феодосии, то есть в те же месяцы, что служил там и обрисованный автором профессор Дмитревский в романе "В тупике".

Красная Армия вступила в Феодосию 21 апреля 1919 года. Значит, уже в первые дни после установления советской власти в городе Вересаев стал ее деятельным сотрудником. Как видно из этой же автобиографической справки Вересаева, он арестовывался белыми, как и изображенный им Дмитревский:

"В отделе народного образования, - сокращенно: "Отнаробраз", - работа била ключом. Профессор Дмитревский, оказалось, был еще и прекрасным организатором. Комиссаром его не утвердили, - он был не коммунист. Комиссаром был юный студент-математик, не пытавшийся проявлять своей власти и конфузливо уступивший руководство Дмитревскому. Официально Дмитревский числился членом коллегии.

Он привлек к работе лучших местных педагогов и деятелей народного университета. Вводилось в школы трудовое начало, организовались вечерние курсы и рабочие клубы, расширена программа народного университета, намечалась сеть подвижных библиотек по уезду, увеличение числа школ.

Педагоги сначала настороженно следили за начинаниями профессора: они ждали, что командовать над ними поставят школьных сторожей и ломовых извозчиков. Увидели, что не так, и охотно взялись за работу".

«Мне выпало счастье работать с Никандром Александровичем в коллегии феодосийского отдела наробраза весною 1919 года в течение тех двух-трех

месяцев, которые продержалась в Крыму вторично утвердившаяся в нем Советская власть. Работник и организатор он был удивительный».

В. Вересаев. О Н. А. Марксе

Максимилиан Волошин в нескольких эссе о Н.А. Марксе поднимает вопросы дозволенного компромисса и встаёт грудью на защиту белого генерала, возглавившего при красных феодосийский Отдел искусства (совместно с В. Вересаевым), а потом попавшего под суд при смене власти.
По воспоминаниям Вересаева, содержался в феодосийской гостинице "Астория".

Ю.Фохт-Бабушкин отмечает, что **прототипом пианистки Гуриенко-Домашевской была артистка Московского Большого театра М. А. Дейша-Сионицкая**, имевшая дачу в Коктебеле.

«Представительницей порядка, благовоспитанности, комильфотности и строжайшей нравственности была М. А. Дейша-Сионицкая».

В. Вересаев. Коктебель

"Катя напоминает Наташу из повести "Без дороги", может быть потому, что прототипом и той, и другой героини в значительной степени была Мария Гермогеновна – жена писателя"

В.М.Нольде, племянница и литературный секретарь В.Вересаева,: "Вересаев", Тула, 1986, стр. 131.

На крыльце дачи на Николиной Горе.
На заднем плане В. Вересаев и его жена Мария Гермогеновна.
Перед Вересаевым его племянница В. М. Нольде

«…в Отделе Искусства работает Касторский…» - В. И Касторский, имевший дачу в Коктебеле, весьма неблаговидно вел себя при смене власти в Крыму. Касторский выведен в образе артиста В. И. Белозерова. Сопоставляя роман с текстом М. Волошина «Дело Н.А. Маркса», мы узнаём, что **певец В.И. Белозеров** из романа «В тупике» тоже имел в жизни своего **прототипа – оперного баса В.И. Касторского**,

также как и кровожадный большевик Искандер, о судьбе которого писателя спросил Дзержинский – это член президиума феодосийского ревкома А.И. Искандер, убит в июле 1919 года.

Прототипом **Михаила Корсакова был Гавриил Дмитриевич Стамов** (1885—1923) — активный революционный деятель. Председатель ревкома Коктебеля, а в 1921 переведен в Феодосию заместителем председателя ревкома города.

Роман «В тупике» — одно из первых больших произведений в советской литературе о революции и гражданской войне. Несложный сюжет, простой доступный язык и полнейшая, правда. Это и привлекало всегда читателя к его произведениям.

В. Вересаев и А. Грин

Вересаев приезжал в Коктебель в 1925, 1926 и 1929 годах. Отдыхает на своей даче, занимается хозяйственными делами, встречается с писателями, поэтами, художниками волошинского Дома поэта.

С Ниной, своей второй женой, Александр Грин познакомился случайно, когда пришел в издательство за авансом. Старый Крым, 1926 г.

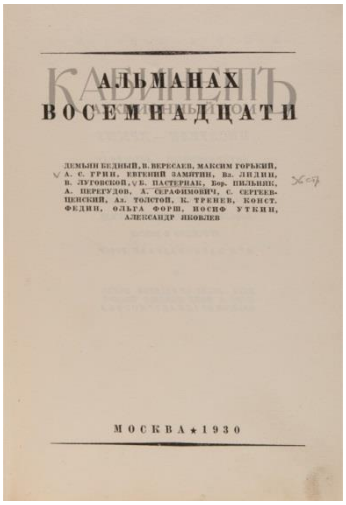
Летом 1926 года А. Грин встретился с Вересаевым в Коктебеле.

Вересаев, Волошин и Богаевский в Коктебеле (лето 1927 г.)

Эту встречу замечательно описывает в своих воспоминаниях Н. Н. Грин: ***«В 1926 году, поехав в Коктебель к Волошину, мы на прогулке не встретили В. В. Вересаева с двумя племянницами, девочками-подростками. Александр Степанович относился к Викентию Викентьевичу с искренним уважением и любовью. Думаю, что и Вересаев, умный, широкий и добрый человек, относился к Александру Степановичу тоже очень хорошо».***

А в 1929 году А. С. Грин, человек весьма требовательный к писательскому искусству и скупой на похвалы, подарил В. В. Вересаеву книгу «Джесси и Моргиана» с надписью: ***« Викентию Викентьевичу Вересаеву, одному из очень немногих настоящих писателей, - от автора, А. С. Грин, 12 февраля 1929 г. »***

«Этих совсем различных по мироощущению людей объединял очень строгий взгляд на писательство. Грин никогда не допускал снисхождения к своему сюжету или случайного слова в произведении, за что его высоко ценил Вересаев.
Познакомились они, вероятно, заочно, по переписке. Возможно, материал для книги был передан через М. Волошина. Викентий Викентиевич помогал всем крымским писателям и, будучи в дружеских отношениях с редактором издательства «Недра», где он на тот момент печатал роман «В тупике», помог Александру Степановичу в издании рассказов. В 1925 году вышла книга «Гладиаторы», в содержание которой входят все рассказы, указанные в письме Вересаева, а также ещё два: «Гладиаторы» и «Четырнадцать футов».
Затем завязалась переписка, длившаяся семь лет. Нина Николаевна Грин вспоминает, что они бывали в гостях у Вересаева в Москве. Викентий Викентиевич помогал Грину по издательским делам, высылал договоры или аванс, «вырванный у издательства», и сам, бывало, обращался с просьбами к Александру Степановичу (достать билет до Москвы, зайти к прокурору и т. д.)
В письме от 22 мая 1925 года Вересаев сообщает, что «юношеского журнала не знаю, но ведь Ваши вещи годятся и для взрослых. Я бы советовал в «Новый мир» при «Известиях» и «Красной ниве». Я там не сотрудничаю, но, говорят, они платят хорошо и без задержки».
Судя по всему, Александр Степанович последовал совету Вересаева: в 1925 году в «Новом мире» вышел роман «Золотая цепь» (№ 8—11), а в «Красной ниве» опубликованы рассказы «Победитель» (№ 13), «Четырнадцать футов» (№ 24), «Золото и шахтёры» (№ 35), «Шесть спичек» (№ 45).
За два месяца до смерти Александра Степановича, в апреле 1932 года, Вересаев, «без всякой нашей просьбы, - вспоминала Н. Н. Грин, - прислал Александру Степановичу двести рублей, чем чрезвычайно растрогал Александра Степановича. С деньгами в год болезни А. С. всё время было мучительно трудно».
Нина Николаевна бережно сохранила все письма Вересаева к Грину, а также бланк этого перевода».



Титова С. Ю. Их соединила жизнь в искусстве. Вересаев и Грин.

В.Вересаев - писатель удивительно цельный. Весь жизненный и литературный путь В.Вересаева - это поиски ответа на вопрос, как сделать реальностью общество людей-братьев. Оно неизменно оставалось тем идеалом, борьбе за который писатель отдавал весь свой труд, свой талант, всего себя. В.В.Вересаев считал себя бытописателем русской интеллигенции и совсем не стеснялся подобной характеристики. Двадцати двух лет, 24 октября 1889 года, он записал в дневнике: "...пусть человек во всех кругом чувствует братьев, - чувствует сердцем, невольно. Ведь это - решение всех вопросов, смысл жизни, счастье... И хоть бы одну такую искру бросить!". Весь жизненный и литературный путь В. Вересаева - это поиски ответа на вопрос, как сделать реальностью общество людей-братьев. Оно неизменно оставалось тем идеалом, борьбе за который писатель отдавал весь свой труд, свой талант, всего себя.

Вы можете прочесть в фондах наших библиотек:

1. Вересаев В. В. В тупике. Сестры : романы / Предисл. Вл. Лидина; послеслов. и примеч. В. Нольде, Е. Зайончковского. - М. : Кн. палата, 1990. - 400 с. - (Из архива печати).
2. Вересаев В. Коктебель //Вересаев В. Собр. соч. в пяти т. – М. : Правда, 1961. – С.462-471.
3. Вересаев В. Коктебель. О Н. А. Марксе //Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы о прошлом. – М. : Правда, 1984. – С. 489-504.

4. Волошин, М. А. Собрание сочинений : очерки, эссе. Т. 7. Кн. 2. Дневники 1891-1932. Автобиографии, Анкеты, Воспоминания / М. А. Волошин ; Общ. ред. В. П. Купченко, А. В. Лавров, Р. П. Хрулева, сост., подгот. текста, коммент. В. П. Купченко, Р. П. Хрулева, худ. В. Н. Сергутин. - Москва : Эллис Лак 2000, 2008. - 768 с. :
5. Ковтун Л. "Есть жизнь, есть радость и сила..." (В.Вересаев и А.Грин) // Победа. - 1992. -5 мая. - С.2.
6. Купченко В. Киммерийские этюды. события. Люди. Памятники / Сост. и вступ. слово Д. Лосева.- Феодосия : Издательский дом «Коктебель», 1998. – 176 с.
7. Лихотворик Р. Вересаев в Коктебеле и Феодосии // Победа.
8. Ложко, В. Ф. В. В. Вересаев. Смелость быть собой // Серебряная память Коктебеля : очерки, эссе / В. Ф. Ложко, Л. В. Храмкова. - Симферополь : НАТА, 2008. – С. 107-131, фото.
9. Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. – изд. второе, испр. и доп. - М. : Сов. писатель, 1979. – с. 7-107.
10. Титова, С. Их соединила жизнь в искусстве : А.Грин и В.Вересаев // Кафа. - 2001. - № 9: 6 февр. - С. 4.
11. Фохт-Бабушкин Ю. В. В. Вересаев – легенды и реальность : вступ. статья //Вересаев В. Соч. в четырех т. Т. 1 – М. : Правда, 1990. – С. 3-33.
12. Цветаева А. У художника Хрустачева. Мастерская Волошина. Вересаев // Воспоминания. – М. : Советский писатель, 1974. – С. 461-468.
13. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех т. Т. 1. Кн. 2. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 301-306.

Текст, фото, библиографию подготовила Т. Гурьева,
ведущий библиограф ЦГБ им. А. Грина